

Во второй половине XIV в. между тем созрели условия для отхода аристократии от непосредственных занятий сельскохозяйственным производством и для ее вовлечения в финансовую и торговую деятельность. Эта деятельность не была чуждой для отдельных ее представителей, благодаря их имуществу в городе, и раньше, в конце XIII и начале XIV в. Классическим уже стал пример императорского придворного Гуделиса Тирана, который в конце XIII в. сдавал в аренду недвижимости в Нимфеи и Смирне²⁷. Не менее известны от начала XIV в. примеры Косты Панкала и Феодора Кантакузина из Серр²⁸, Феодора Сарандина из Верри²⁹, его родственника Алексея Дуки Сарандина из Солуни³⁰, великого стратега дарха Ангела из Водена³¹. Впрочем, в приведенных случаях речь идет о земледельцах, для которых ведение дел в городе имело второстепенное значение³². Амбивалентность их отношения к торговле наилучшим образом показывает поступок одного из динатов, который дал свободу своему рабу (1281), довольный тем, как раб вел за него торговые дела³³.

Спустя примерно полстолетия произошли изменения и в интересах и в занятиях аристократов. Отнюдь не исчезла их заинтересованность в обладании землей. Император Мануил II ясно показал, что сельскохозяйству, а не ремесло или торговля является основной заботой его экономической политики. Один же из его непосредственных предшественников (Иоанн V или Иоанн VII) занимался вывозом хлеба в широком масштабе³⁴. Очевидно, давно были забыты времена презрительного отношения аристократии к состояниям, нажитым торговлей (император Феофил в IX в. приказал сжечь корабль своей жены, чтобы не подумали, что он, император, ведет дела как судовладелец)³⁵.

Уже было частично сказано о причинах, обусловивших обращение аристократии к занятиям, связанным с земельными владениями. Возможности для переориентации ее интересов возросли вслед за ограничением деятельности профессиональных торговцев и ростовщиков, принадлежавших к среднему общественному слою. Однако главные причины были обусловлены внешним фактором. Прежде всего торговля хлебом (она, как уже было сказано, имела особое значение для аристократии, владевшей землей и участвовавшей в вывозе зерна) постепенно все менее благоприятствовала усилению экономического положения этого слоя. Напротив, со временем расходы в этой сфере стали превышать выгоды, в том числе для слоя крупных землевладельцев. Порча денег, которая в поздней Византии достигла невиданных размеров³⁶, обусловила резкий

²⁷ MM. IV. 285—87 (1294).

²⁸ Actes de Kutlumus. N 8, 12—13 (1313); 18, 86 (1323 или 1338).

²⁹ *Teocharidis G.* Op. cit. N 1 (P. 12). 27—37 (1324); N 2 (P. 22). 89—98 (1325); ср.: *Regel.* Vatop. N 4, 18 (1929); *Goudas.* Vatop. N 15, 239 (1356).

³⁰ Actes de Chilandar. N 4, 17 (1329).

³¹ *Regel.* Vatop. N 4, 17 (1329).

³² *Острогорски Г.* Сербска област после Душанове смрти. Београд, 1965. С. 56. (ту же раб. см.: Сабрана дела. Т. 4. С. 502); *Поляковская М. А.* Городские владения. С. 207; *Ферјанчић Б.* Поседи византијских провинцијских манастира у градовима // ЗРВИ. 1980. Т. 19. С. 232; *Максимовић Љ.* Charakter. S. 178.

³³ *Verlinden Ch.* Trait  des esclaves et traitants italiens   Constantinople (XIIe—XVe si cles) // *Le Moyen Age.* 1963. Т. 69. P. 793.

³⁴ Ср.: *Laiou-Thomadakis A.* Byzantine Economy. P. 219; *Matschke K.-P.* Schlacht. S. 224.

³⁵ Ср.: *Toynbee A.* Constantine Porphyrogenetos and His World. L., 1973. P. 39 sq.; *Ka hdan A., Cutler A.* Continuity and Discontinuity in Byzantine History // *Byz.* 1982. Vol. 52. P. 443.

³⁶ Ср.: *Andr ades A.* De la monnaie et de la puissance d'achat des m taux pr cieux dans l'Empire byzantin // *Byz.* 1924. Vol. 1. P. 75—115; *Zakythinos D.* Crise. 5 sq.; 18, 23 sq. См. примеч. 45.